

Труды Отдела древне-русской литературы
Том 13

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Т11

Т11 Труды Отдела древне-русской литературы: Том 13 / – М.: Книга по Требованию, 2014. – 753 с.

ISBN 978-5-458-62647-7

На страницах ТОДРЛ публикуются статьи, посвященные самым разнообразным вопросам русистики, как источниковедческого, так и общетеоретического характера. Здесь публикуются новонайденные памятники письменности, обзоры и описания различных рукописных собраний, издаются текстологические исследования, работы по поэтике древнерусской литературы, библиографические обзоры и т. д.

ISBN 978-5-458-62647-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

в них развития общественной мысли. Сравнительно слабо изучалось художественное мастерство публицистов, а из отдельных эпох недостаточное внимание уделялось середине и второй половине XVII в.

Особый раздел советского литературоведения составляет изучение «Слова о полку Игореве». И здесь могут быть отмечены значительные успехи. Литература о «Слове» за последние 40 лет огромна, поэтому могут быть указаны лишь самые общие ее тенденции. Для буржуазного литературоведения начала XX в. было характерно изучение «Слова» по преимуществу по отдельным частным вопросам. В советское время возобновился интерес к монографическому изучению «Слова», к созданию крупных обобщающих работ, ставящих себе задачей целостное изучение памятника. Два прошедших юбилея «Слова» (750-летия памятника и 150-летия со времени выхода первого издания) обогатили науку особенно большим числом его изданий и различных исследований. Частные исследования были посвящены главным образом отысканию различных реалий — исторических и природоведческих. Очень большой интерес представили исследования связей «Слова» с народным творчеством; вопрос об этих связях был поставлен совершенно по-новому — в единстве формы и содержания. Серьезные работы созданы в области изучения языка «Слова», палеографии погибшей рукописи, жанровой природы «Слова», истории его изучения и т. д.

Изучение «Слова» за последние сорок лет особенно отчетливо вскрыло глубокие связи «Слова» с культурой XII в., с исторической обстановкой XII в., показало его органическое родство с художественными методами древней русской литературы и народного творчества. «Слово» было выведено из той блестящей изоляции от явлений своего времени, в которой оно находилось, и было рассмотрено в широкой исторической перспективе. Это коснулось и его идейного содержания и его художественной формы. Тем не менее и в этой области перед специалистами по древней русской литературе стоят сейчас серьезные задачи. Специалистами по «Слову» должны быть проведены крупные работы, которые помогут более глубоко подойти к вопросам его комментирования и историографии. В первую очередь необходим словарь «Слова», полный свод его толкований, издание всех материалов, связанных с историей его открытия и публикации 1800 года.

Ряд областей древней русской литературы изучался слабо: агиография, переводная литература, связи древнерусской литературы со славянскими; недостаточно велась работа по научному описанию рукописей.

Жития святых в силу определенности этого жанра, дают возможность проследить в них изменения стиля, художественного метода изображения людей и т. д. К сожалению, мы можем отметить в этой области только несколько публикаций и исследований. Советское литературоведение уделяет особенное внимание светским произведениям древней русской литературы, как наиболее ценным и показательным в историко-литературном процессе, однако это не обязывает исследователей считать литературу древней Руси более светской, чем она была на самом деле. Громадная роль церковных жанров в средневековой литературе не подлежит сомнению и исследование их должно быть углублено.

Сравнительное изучение славянских литератур развивалось в начале XX в. довольно успешно (В. М. Истрин, М. Н. Сперанский), однако за последние двадцать лет общая недооценка сравнительных исследований в литературоведении привела к тому, что и этой областью исследователи почти не занимаются. Мало появляется работ и по переводной литературе; почти прекратилось изучение переводческой деятельности Кирилла и Мефодия и их ближайших преемников.

Не менее тревожно обстоит дело и с изучением истории нашей науки, без чего нельзя всерьез говорить о преодолении методологических недостатков прошлого и об использовании его отдельных достижений. Недостаточное внимание уделялось до недавнего времени советскими исследователями и многочисленным работам, выходящим по древней русской литературе на Западе, разоблачению реакционных теорий и усвоению опыта прогрессивных ученых.

За годы советской власти произошли значительные передвижения рукописных материалов: рукописные собрания были сконцентрированы в немногих хранилищах. Это позволило советским исследователям проводить текстологическую работу на гораздо более широком рукописном материале, чем это делалось раньше. Однако научное описание рукописных собраний идет недопустимо медленно. За последние годы вышли научные описания только в Библиотеке Академии Наук СССР и в Публичной библиотеке в Ленинграде, составляется научное описание рукописей, собранных на Печоре, и идет работа по раскрытию содержания периферийных древлехранилищ.

Значительные успехи могут быть отмечены в области текстологии древнерусских литературных произведений. Издания древнерусских литературных памятников осуществляются с привлечением максимального количества списков, на основе полного изучения всей истории текста произведения. Создан новый тип монографических исследований-изданий памятников в осуществляемой Сектором древнерусской литературы серии памятников древнерусской литературы (вышли — «Казанская история», «Сказание о князьях владимирских», «Сказание Авраамия Палицына», «Сочинения Ивана Пересветова», «Повесть о Сухане», «Артаксерово действо»). На очереди — создание обобщающего исследования по всем вопросам древнерусской текстологии.

Значительное влияние на общее направление изучения древнерусской литературы оказала научно-популяризаторская работа, участие исследователей древнерусской литературы в серии «Литературные памятники», в серии научно-популярной литературы Издательства Академии наук СССР и в различных публикациях других издательств. Широкий размах научно-популяризаторской работы привлек внимание исследователей к актуальным темам, к основным вопросам изучения древнерусской литературы и к ее наиболее выдающимся произведениям.

В целом исследования по древнерусской литературе за истекшие 40 лет коренным образом изменили наши представления об историко-литературном процессе древней Руси. Никто уже не станет сейчас защищать тезиса о том, что древнерусская литература почти не менялась в своих принципах, что она не знает развития, что в ней господствуют одни лишь традиционные формулы, традиционные жанры и что она имеет «подражательный характер», завися только от смен иностранных влияний. Каждая эпоха предстала перед нами в своем своеобразии, — меняются жанры, сменяются литературные стили, литература тесно связана с русской исторической действительностью, с классовой борьбой своего времени. Открылась возможность создания подлинно научной истории литературы древней Руси, историко-литературный процесс предстал перед нами во всем своем своеобразии и во всей своей динамике. Общие курсы и истории литературы, написанные за последние десятилетия, разительно отличаются от тех, которые были созданы в дореволюционной науке и носили по преимуществу описательный характер. Отметим, что первые тома десятитомной академической «Истории русской литературы», посвященные древней рус-

ской литературе, являются самой обширной историей литературы XI—XVIII вв., которая когда-либо была создана.

Исследований, посвященных общим вопросам истории древней русской литературы, сравнительно немного. Имеется ряд работ, касающихся вопросов классового характера древней русской литературы, ее народных основ, связей с фольклором, периодизации, проблем ее возникновения, ее движения к реалистическому изображению действительности, художественного мастерства и т. д. Написание новых теоретических работ в значительной мере зависит от частных исследований, от того, как расширяются наши представления о репертуаре памятников древнерусской литературы, как уточняется их хронологическое прикрепление к отдельным эпохам и т. д.

Можно с уверенностью сказать, что решение многих общетеоретических вопросов подготовлено и облегчено в нашей науке уже сейчас введением в кругозор исследователей целого ряда новых памятников, новых частных открытий и уточнений, особенно в тех областях, которые тенденциозно обходились буржуазным литературоведением или определить которые оно не было способно.

Основная задача, которая стоит сейчас в области древнерусской литературы перед работами теоретического характера: решительнее переходить от решения частных вопросов теории к тем широким обобщениям, которые позволяют ясно представить себе процесс литературного развития древней Руси во всей его сложности и своеобразии.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Н. ВОРОНИН

**„Анонимное“ сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль
и автор**

1

Группа произведений, связанных с жизнеописанием и прославлением первых русских святых Бориса и Глеба, занимает выдающееся место в истории древнерусской литературы; их исследованию посвящены работы многих специалистов. Однако до сих пор остается спорным важнейший вопрос о взаимоотношении и хронологии двух основных произведений о Борисе и Глебе — «Чтения» Нестора и анонимного «Сказания». Основные точки зрения представлены заключениями двух виднейших ученых — академика А. А. Шахматова, подходившего к данной теме в связи с изучением «Повести временных лет», и специально исследовавшего литературные памятники о Борисе и Глебе С. А. Бугославского.

Основные выводы А. А. Шахматова сводятся к следующему.

«Чтение» написано Нестором между 1081 и 1088 гг. Он использовал для своего сочинения данные древнейшего летописного свода и новгородские записи в их краткой редакции, не переходившей тогда за середину 80-х годов.

«Сказание» в дошедшем до нас виде отражает редакцию, сложившуюся после 1115 г.; оно тесно связано с развивавшимся в конце XI в. летописанием. Автор «Сказания» опирался уже на данные Начального свода и использовал Несторово «Чтение».¹

К мнению А. А. Шахматова присоединились исследователь русских княжеских житий Н. Серебрянский² и изучавший и издавший литературные памятники о Борисе и Глебе Д. И. Абрамович.³

Противоположная точка зрения была сформулирована С. А. Бугославским в результате многолетнего текстологического изучения 255 списков всех памятников, связанных с культом Бориса и Глеба. Основные выводы были сделаны автором еще в 1914 г.⁴; затем они были кратко повторены в публикации памятников в 1928 г.⁵ и в развернутом виде изложены в не-

¹ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 29—97.

² Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 106; здесь же (стр. 86 и сл.) обзор литературы.

³ Д. И. Абрамович. 1) Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пгр., 1916, стр. I—XIV; 2) Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902, стр. X—XI.

⁴ С. А. Бугославский. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. ИОРЯС, 1914, кн. I, стр. 135—143.

⁵ С. А. Бугославский. Памятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. Киев, 1928.

опубликованной докторской диссертации автора в 1940 г.⁶ Последним кратким изложением концепции С. А. Бугославского в печати является написанный им текст в I томе академической «Истории русской литературы».⁷ На протяжении этих работ автор не изменил своей концепции, хотя уже первая ее публикация в 1914 г. вызвала критический отклик А. А. Шахматова, убедительно отстаивавшего свои взгляды.⁸ Точно так же доводы, изложенные в публикации Д. И. Абрамовича, не встретили отклика С. А. Бугославского. На это указывалось и оппонентом по его диссертации Н. К. Гудзием.⁹ Таким образом, мы вправе изложить выводы С. А. Бугославского по его последнему печатному труду, дополняя их по ранним изданиям.

Взгляд С. А. Бугославского диаметрально противоположен концепции А. А. Шахматова. Он сводится к следующему.

«Сказание» (без обширного рассказа о чудесах) возникло в последние годы княжения Ярослава и является по существу панегириком ему. Автор «Сказания» развил в особое произведение летописную статью 1015 г. «Об убиении Борисове». «Сказание» обильно историческими фактами и именами и написано в свободной от подражания византийским образцам манере. В своей диссертации С. А. Бугославский высоко оценивает «Сказание» как «первую русскую историческую повесть, преодолевшую застывшие литературно-агиографические каноны. Так, новое содержание, живая струя народного патриотизма обновили и стиль и форму произведения. „Сказание“ положило основание новому русскому жанру — княжеского жития, близкого к летописи».¹⁰ К «древнейшему» ядру «Сказания» позднее примкнуло особое «Сказание о чудесах», составлявшееся последовательно тремя авторами. Первый автор работал между 1089 и 1105 гг., он переписал и дополнил само «Сказание»; второй автор, показавший себя противником Святополка, работал около 1108 г.; третий был явным сторонником Владимира Мономаха, он дополнил «Сказание о чудесах» описанием перенесения мощей Бориса и Глеба в 1115 г.

«Чтение» является поздним произведением: оно было составлено Нестором на основе «древнейшей» части «Сказания» с дополнившим его «Сказанием о чудесах» (в «редакции второго автора»); Нестор писал до 1115 г., так как он еще не знает о происшедшем в этом году перенесении мощей Бориса и Глеба, и скорее всего около 1108 г. Задачей Нестора было превращение «Сказания» в годное для чтения в церкви житие в духе монашеских или великомученических византийских житий. В связи с этим Нестор заменяет все конкретное и «земное», столь богато насыщающее «Сказание», общими местами. Он избегает называть личные и географические имена, заменяя их аморфными родовыми понятиями; он усиливает агиографический назидательный элемент, превращая Бориса и Глеба в образцовых святых. Общая характеристика труда Нестора у С. А. Бугославского крайне противоречива. «Все эти распространения — общего житийного характера, — писал исследователь, — все они удаляют и читателя, и действующих лиц от исторического момента, из русской среды в область агиографических общих мест»; и, однако, в той же работе автор называет

⁶ С. А. Бугославский. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. Рукопись диссертации, защищенной в Институте мировой литературы. Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

⁷ История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 317—321 и 326—328.

⁸ А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Пгр., 1916, стр. LXVII—LXXVII

⁹ С текстом отзыва меня познакомил Н. К. Гудзий, которому приношу благодарность за разрешение сослаться на его мнение.

¹⁰ С. А. Бугославский. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, стр. 305

Нестора «писателем-реалистом».¹¹ В итоге исследователь должен был признать, что Нестор, работая в начале XII в., шел против течения, он стремился «увести русскую агиографию с пути прочно сложившегося жанра исторических сказаний, княжеских житий и историко-агиографических эпизодов».¹²

Однако и теперь, после того как концепция С. А. Бугославского была принята в академической «Истории русской литературы», крупнейшие специалисты продолжают относиться к ней с осторожностью, хотя и принимают, без особой уверенности, положение, что «Сказание» появилось раньше «Чтения», но не при Ярославе, а в конце XI—начале XII вв.¹³ Голос в защиту концепции А. А. Шахматова поднял археолог и искусствовед В. И. Лесючевский, высказавшийся в пользу старшинства «Чтения» и за более позднее время «Сказания».¹⁴ Все же концепция С. А. Бугославского остается в обращении науки. Так, ее разделяет М. К. Каргер, изучавший «Чтение» и «Сказание» в связи с публикацией открытого его раскопками выдающегося памятника конца XI в. — огромного каменного Борисоглебского храма в Вышгороде.¹⁵ С решением С. А. Бугославского о позднейшем происхождении «Чтения» (около 1108 г.) соглашается и Л. В. Черепнин, привлечший этот памятник в своем интересном исследовании о Повести временных лет, но не касавшийся «Сказания».¹⁶

При сопоставлении двух очерченных выше концепций о взаимоотношении «Чтения» и «Сказания» возникает прежде всего одно общее соображение. Взгляд А. А. Шахматова хорошо согласуется с определенным научным общим направлением развития древнерусской литературы и летописания XI—XII вв. и с конкретным движением самого исторического процесса.

Вспомним, что сложившееся при Ярославе «Сказание о распространении христианства на Руси»¹⁷ и знаменитое «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона посвящены церковно-исторической теме. Они освещают лишь борьбу за самостоятельность русской церкви. Эта борьба являлась существенной стороной дела упрочения независимости и могущества молодого русского государства. Поэтому в церковно-исторические произведения времени Ярослава входили, органически связываясь с ними, патриотические идеи величия Русской земли и ее равноправия с другими странами Европы. В то же время существенно, что эти произведения были предназначены для узкой, привилегированной аудитории, «преизлиха насытившейся сладости книжных». «Слово» Илариона сложно и отвлеченно по своему построению и стилю; это философско-богословское «витийственное» произведение, явно недоступное пониманию простых людей и отнюдь не рассчитанное на широкий пропагандистский эффект. С этим этапом начальной поры русской литературы по всему своему строю и по еще сильной зависимости от византийских агиографических образцов очень органично и естественно связано «Чтение» Нестора, близкое по концепции

¹¹ С. А. Бугославский. К вопросу..., стр. 173 и 163.

¹² История русской литературы, т. I, стр. 328.

¹³ См., например: Н. К. Гудзий. История древнерусской литературы. М., 1953, стр. 95.

¹⁴ В. И. Лесючевский. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства. Советская археология, т. VIII. Л., 1946, стр. 240.

¹⁵ М. К. Каргер. К истории киевского зодчества XI в. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде. Советская археология, т. XVI. М.—Л., 1952, стр. 77—86.

¹⁶ Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет», ее редакция и предшествующие ей летописные своды. Исторические записки, № 25. М., 1948, стр. 311.

¹⁷ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 44—76.

«Слову» Илариона; оно включается в процесс развития литературы XI в.

Последующее развитие литературы, если оценить главное в ее течении, характеризуется нарастанием конкретности изложения, оживлением интереса к аргументации сообщаемых сведений, включением в поле зрения литераторов и летописцев политической истории, стремлением к точным датам в летописи, привлечением разнообразных источников — рассказов участников событий, народных или дружинных преданий и даже материальных «археологических» памятников.¹⁸ Это время создания Начального свода, «Повести временных лет», «Поучения» Владимира Мономаха, «Хождения» игумена Даниила. С этим этапом отвлеченный стиль «Чтения» плохо вяжется, и Нестор представляется запоздалым одиночкой, действительно идущим против течения со своим архаическим стилем, а его попытка повернуть процесс вспять исторически непонятна. Вместе с тем и определение исторического места «Чтения» С. А. Бугославским представляется очень искусственным и натянутым. Точно так же, вопреки мнению исследователя, отнесшего «древнейшую» часть «Сказания» ко временам Ярослава, где оно стоит также особняком, это замечательное произведение прекрасно связывается, как покажем подробно ниже, с течением русской литературы в первой четверти XII в. Существенно, что «Чтение» было скоро и основательно забыто, отразившись в незначительном количестве списков, уступив место «Сказанию», пользовавшемуся популярностью в течение многих веков и представленному во множестве списков.

Уже эти общие соображения, с неизбежностью ведущие к признанию правильности концепции А. А. Шахматова, должны были насторожить по отношению к гипотезе С. А. Бугославского, популярность которой, как нам представляется, есть результат определенного гипноза того огромного текстологического фундамента, на котором она зиждется.

Однако при внимательном изучении трудов С. А. Бугославского складывается впечатление, что и сам исследователь, принципиально отказавшись от «конъектуральной» критики источников и целиком уйдя в кропотливый анализ и сопоставление множества текстов, оказался замкнутым в искусственном мире самодвижения редакций и разночтений и полностью оторвал предмет своего исследования от живой действительности, которая была ясно зрима в самих изучаемых им текстах, о чем пойдет речь ниже.¹⁹

Но и сама эта аналитическая работа над текстами дала в общем относительно малый эффект: различные «редакции» «Сказания», как выяснилось, мало разнятся друг от друга, и бесспорно древнейшим и наиболее близким к первоначальному тексту остался список в знаменитом сборнике XII в. московского Успенского собора.²⁰

Аналитический труд С. А. Бугославского не дал бесспорных результатов и в отношении расчленения «Сказания» на разновременные части. Так, тот же А. А. Шахматов, очень сильно и просто защищая свои позиции, внимательно изучил аргументы С. А. Бугославского и отдал должное его гигантскому и кропотливому труду, но счел возможным сделать следующее заключение по одному из основных его положений. По его мнению, «Сказание» «едва ли может быть отделено от приложенного к нему „Сказания о чудесах“ и не только от древнейшей части „Сказания“, но и от

¹⁸ М. К. Каргер. К характеристике древнерусского летописца. ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 59 и сл.

¹⁹ Формализм метода С. А. Бугославского был справедливо отмечен Л. В. Черепинным («Повесть временных лет»..., стр. 297—299).

²⁰ С. А. Бугославский. К вопросу..., стр. 132; С. А. Бугославский. Пам'ятки... стр. XII.

позднейшей; между тем позднейшая часть „Сказания о чудесах“ составлена после 1115 г.».²¹ Следовательно, А. А. Шахматов считал «Сказание» целостным произведением, неразрывно связанным со «Сказанием о чудесах», что определяло дату произведения в целом и лишало возможности выделять его «древнейшую» часть и относить ее ко времени Ярослава. Добавим, что самый факт наличия в ряде списков этой «древнейшей» части в отдельном виде не может служить доказательством ее первоначально отдельного существования. Большое монументальное произведение, каким является «Сказание» в его сложном целом, могло переписываться по частям, в зависимости от потребности заказчика, чему способствовала стройная архитектурная расчлененность «Сказания». Существенно также, что в древнейшем его списке XII в. в сборнике московского Успенского собора оно представлено целиком.

А. А. Шахматов убедительно указал на искусственность гипотезы С. А. Бугославского и в отношении трех этапов в истории «Сказания о чудесах», допуская в лучшем случае два этапа, но отнюдь не принимая и это допущение как обязательное и доказанное.²²

Сами текстологические сопоставления, положенные С. А. Бугославским в основу доказательства зависимости «Чтения» от «Сказания», могут быть использованы и для утверждения обратного. Если, по Бугославскому, Нестор безжалостно выхолащивал из «Сказания» все живое и конкретное, то те же примеры можно рассматривать как обогащение жизненными подробностями и фактическими данными мертвого материала более раннего «Чтения» автором позднейшего «Сказания». Этот вывод еще до исследования С. А. Бугославского, когда «Сказание» считалось не «анонимным», делал Д. И. Абрамович, справедливо писавший: «Принято думать, что Несторово „Чтение“ составлено под сильным влиянием „Сказания“ о святых Борисе и Глебе, приписываемого Иакову мниху; но с таким же точно правом можно доказывать и противоположное».²³ На этой точке зрения Д. И. Абрамович стоял и в 1916 г., после появления работы С. А. Бугославского.

Как мы говорили, С. А. Бугославский не отвел возражений А. А. Шахматова и не опроверг взглядов Д. И. Абрамовича и Н. Серебрянского.

После этих замечаний мы можем обратиться к изложению некоторых наблюдений над текстом «Сказания». Мы приводим наши наблюдения и выводы в том порядке, в каком мы продвигались от вопроса к вопросу, от частного к общему.

2

Важнейшее значение для изучения литературной истории «Сказания» имеет рассказ о чуде с сухорукой женой.

Рассказ об этом чуде в «Чтении» лишен конкретных деталей, хотя Нестор и удостоверяет, что он писал со слов самой героини чуда. Некая жена, до того не знакомая автору, из не названного по имени «ыного града», якобы рассказала ему, как она работала в праздник Николы в своей «храмине» и не пошла в церковь, несмотря на укоры других женщин. Внезапно на ее двор въехали (видимо, на конях) три мужа — старый (Никола) и

²¹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. LXXIV; Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике..., стр. X, прим. 36; Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 91. Н. К. Никольский считал, что отнесение «Сказания» в целом ко времени после 1115 г. аргументировать трудно и находил его «более чем сомнительным» (Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений X—XI в. СПб., 1906, стр. 255 и 257).

²² А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. LXIX—LXXVIII.

²³ Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике..., стр. X.

двое молодых (Борис и Глеб). Юноши упрекнули вдову, что она оскорбила Николу, работая в день его праздника. В ответ на ее объяснения, что бедной женщине нужно трудиться, а не ходить в церковь, Никола приказал юношам разрушить ее жилище и выволок саму ее за руку, так что она обмерла и была «яко мертва» до великого поста. Тогда ее принесли в церковь Николы, здесь она очнулась, и оказалось, что у нее усохла правая рука. Так прошло 3 года, когда она услышала о чудесах Бориса и Глеба, пошла в Вышгород и молилась у их храма. Во сне ей явились Борис и Глеб и повелели ей перекреститься, но сухорукая не могла этого сделать. Тогда один из князей взял ее за руку, но в это время некий пономарь стал отпирать храм и прервал ее сон. Сухорукая вошла в храм и стала молиться об исцелении. Вдруг у нее выпали из ушей «златии колци» и покатались к гробницам Бориса и Глеба; она подняла их и отдала нищим. Вскоре рука приобрела чувствительность, пояс, которым была подвязана рука, сам оторвался от шеи, и женщина исцелилась.²⁴

Таково очень отвлеченное, несколько длинное и противоречивое изложение «чуда о сухорукой» в «Чтении». Оно безымянно и довольно надуманно; к чему-то изображена конная «троица» — Николы и святых князей; подчеркнута грубость их действий — разрушен дом, Никола повредил ей руку. Введено литературно излишнее сонное «видение» жене святых князей. У бедной сухорукой в ушах оказываются дорогие золотые височные кольца, которые она отдает не в храм, а нищим.

Тот же сюжет в «Сказании» приобрел совершенно иной характер; как сейчас увидим, он был коренным образом переработан. Основное в этой переработке — более ясное выявление фабулы, стремление к максимальной конкретности сведений об обстоятельствах чуда и введение нового действующего лица — попа Лазаря.

Если первоначальный текст в «Чтении» легко поддавался сокращенному пересказу, то новый текст «Сказания» настолько сжат, что остаются одни необходимые факты, и поэтому мы приведем его полностью.²⁵

ЧУДО 5-е О ЖЕНЕ СУХОРУЦЕ

Въ граде Дорогобужи некая жена, раба суши, делаша в вежи повелениемъ госпожа своя в днь святаго Николы. И вьнезапу явиста ей святая страсотръпца, претяща и глаголюща ей: «по что тако твориши в днь святаго Николы? се ти сътворише казнь». И се рекъша разметаста храмину ту, жену же ту ажы мрътву сътвориша. И лежа мѣсяць, не могуци ничьсо же и вьставъши немощна, а рука ей бяше суха пребываше не могуци страдати, ни послужити господе. Юже видевъши госпожа ея таку, отгна ю от себе, а отрочища ее, в свободе родивъшася, поработиша я. Судящи же не послабиша тому такому быти, нъ господе ее повелеша лихом быти цѣны тое, а оных свободе съподобиша, зане же по неволи делавъши казнь прияла естъ. И минувъшем летом трѣм. слышавъши жена сухорукая о человеце бывъшимъ съкърчене рукама и ногама, и како прия прощение у църкве святою мученику Романа и Давида. И вьставъши иде Вышегороду. И приде в днь суботъный, и бяше же и канон святыя богородици. И възвести Лазореви, иже беаше старейшина клирикомъ църкве тоя. Он же повеле ей пребыти чрес ношь у църквѣ. И на утрия, идущемъ съ крсты к святей богородици, приступивъши жена имущия руку суху, споведаша сън Лазореви сице: «В сию ношь, сидящи ми у църкве, и приидоста два уноши красна, и рекоста ми — кто тя е сде посадил? И из отвѣщахъ — Лазорь поп, ть ми естъ повелел, рек — седи ту, некли бог и молитва святою мученику ицелить тя. И се рекъши ми, аби старейшини ею съньмъ прьстенъ с руки, дасть ми, рек — възложи си се на руку и прекръстися и ицелеть ти рука». Си слышав, Лазорь повеле ей на литургии престоати у двьрии църквѣвныхъ, да егда отъпоють, сътворять ей молитву и масльмъ деревянымъ помажють ей руку. И начаша пети литургию. И яко отпеша «святый боже», певъцю рекъшоу песнь богородици, прокымен «величить душа моя господа», и вьнезапу жена сухорукая побеже к олтарю, трепе-

²⁴ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 23—24.

²⁵ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 58—59.